

Детство, отрочество, юность. Советские и постсоветские практики взросления

О. Ю. Бойцова, Е. А. Орех

Бойцова Ольга Юрьевна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат исторических наук. Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН; Email: boitsova@gmail.com

Орех Екатерина Александровна (Санкт-Петербург, Россия) — кандидат социологических наук. Санкт-Петербургский государственный университет; Email: e.orekh@spbu.ru

ОТ СВЕТЛОЙ ОДЕЖДЫ — К СВЕТЛОМУ БУДУЩЕМУ: ДИСКУРС О ЦВЕТЕ ДЕТСКОЙ ОДЕЖДЫ В СССР 1950–80-х гг.

В статье исследуется место дискурса о детской одежде в идеологическом дискурсе советской эпохи. Авторы пытаются ответить на вопросы: какую смысловую нагрузку несли цвета детской одежды, какая идеология транслировалась для советских граждан посредством вербальных и визуальных высказываний в контексте «правильного» одевания детей. В качестве методов исследования использовались дискурс-анализ рекомендаций по подбору детской одежды (книги, брошюры, статьи из журналов, изданных в СССР с 1950-х по 1980-е гг.) и контент-анализ открыток с изображениями детей с 1960 по 1980 г. Результаты исследования показывают, что в советском официальном дискурсе второй половины XX в. в ряде случаев дети рассматривались обособленно от взрослых. Говорить о существовании единой и непротиворечивой советской концепции детства на протяжении всего периода существования СССР не приходится.

Ключевые слова: анализ дискурса, визуальный контент-анализ, детская одежда, советская мода, исследования моды, представления о детстве, XX век, гендерные цвета, унисекс

O. Boitsova, E. Orekh

Olga Boitsova (St Petersburg, Russia) — PhD in Historical Sciences, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera), the Russian Academy of Sciences; Email: boitsova@gmail.com

Ekaterina Orekh (St. Petersburg, Russia) — PhD in Sociological Sciences, St. Petersburg State University, The Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences; Email: e.orekh@spbu.ru

FROM THE BRIGHT CLOTHES TO THE BRIGHT FUTURE: DISCOURSE ON THE COLORS OF CHILDREN'S CLOTHING IN THE USSR IN THE 1950s — THE 1980s

The paper explores the place of discourse on children's clothes within the ideological discourse of the Soviet epoch: what meaning was carried by colors of children's clothing, what ideological messages were conveyed through verbal and visual utterances on how to dress kids. As research methods, discourse analysis and visual content analysis were used. The authors studied recommendations on children's clothes contained in books, brochures, magazine articles published in the USSR from the 1950s to the 1980s, and postcards depicting children from 1960 to 1980. The research results indicate that in the Soviet official discourse of the late 20th century, children's world was considered in some cases as distinguished from the adults' one. It seems that one cannot speak of a single and consistent Soviet conception of childhood throughout the whole period of existence of the Soviet Union.

Keywords: discourse analysis, visual content analysis, children's clothes, Soviet fashion, fashion studies, childhood studies, late 20th century, gendered colors, unisex

Толчком к написанию этой статьи послужила старая советская открытка 1965 г., случайно попавшаяся нам на глаза и удивившая расцветкой одежды на изображенных детях. На открытке представлены два мальчика на рыбалке в летнее время, оба одеты в легкие рубашечки и шорты, рубашка одного из них — насыщенного розового цвета, рубашка второго — голубая. Сегодня мы лишь привыкаем к тому, что розовый стал иногда встречаться в одежде взрослых мужчин, однако нашему глазу не знаком розовый на мальчиках, поскольку этот цвет как никакой другой в современной России связан со «слабым полом». По-видимому, для 1960-х годов использование розового в мальчишеской одежде было нормой: так, мы читаем у В. Драгунского в рассказе «Запах неба и махорочки» (1963): «Еще была женщина с двумя мальчатами в розовых рубашках и одним грудным».

Розовая одежда на мальчиках в разные времена могла быть гендерно маркированной («розовый — цвет мальчиков», как это было в начале XX в. в США [15]) и нейтральной («розовый — цвет в равной степени мальчиков и девочек»), могла указывать на социальное положение своего обладателя. Что означали розовые рубашки на мальчиках в 1960-е? Почему розовый исчез из одежды мальчиков в более позднее время? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно изучить дискурс о детской одежде интересующего нас периода. Анализ дискурса, конечно, не даст нам точного знания о том, какую именно одежду носили дети на самом деле, но подходит для решения вопроса о представлениях, господствовавших в ту или иную эпоху.

Анализируя дискурс советской прессы 1950-х — 80-х гг. о моде, Сергей Журавлев и Юкка Гронов пишут: «<...> тексты показывают отсутствие единой идеологической позиции по многим вопросам моды и культуры одежды в представлениях общества, только что вышедшего из сталинского, “тоталитарного” периода. Более того, источники демонстрируют завидное разнообразие точек зрения, наличие различных, порою противоречивых, позиций, столкновение которых порождало острую полемику в прессе. Все это позволяет охарактеризовать советское общество тех лет как сложный и противоречивый социальный организм. В то же время источники позволяют судить о присутствии в общественном сознании сходных точек зрения по ряду вопросов культуры одежды, ответы на которые воспринимались гражданами как само собой разумеющиеся и потому не ставились под сомнение» [9, с. 406]. Эти авторы, как и другие исследователи советской моды [4; 5; 7], изучали «взрослую» моду и не уделяли внимания дискурсу о детской одежде. Исследований, посвященных детской моде в СССР, на данный момент нет. Отсутствовала ли в этой сфере «единая идеологическая позиция», как во многих других аспектах советской моды? Или по вопросу детской одежды в советском обществе утвердились «сходные точки зрения»? На этот вопрос применительно к цвету одежды мы постараемся ответить в данной статье. Таким образом, нас интересует место дискурса о детской одежде в идеологическом дискурсе советской эпохи: какую смысловую нагрузку несли цвета детской одежды, какая идеология транслировалась для советских граждан посредством вербальных и визуальных высказываний о том, как правильно одевать детей.

Методами нашего исследования выступают дискурс-анализ вербальных и контент-анализ визуальных высказываний о детской одежде. Понимая, что словесные высказывания об одежде и изображения детской одежды — относительно обособленные и независимые друг от друга источники информации, мы решили при поиске ответа на исследовательский вопрос обратиться и к письменным рекомендациям по поводу детской одежды, и к ее изображениям как двум различным источникам знаний о том, как следует одевать ребенка. Если по поводу того, что представляет собой контент-анализ, в научных кругах существует консенсус, то заявляя в качестве метода дискурс-анализ, мы обязаны пояснить наши представления о его сути. Под дискурс-анализом мы понимаем работу с совокупностью текстов на предмет поиска правил производства высказываний на интересующую нас тему, принимая во внимание тот факт, что высказывания в тексте зависимы от контекста его производства, то есть правила «работают» лишь для локального контекста. Аналитик берется судить по тексту (по употреблению специфических грамматических конструкций, использованию лексики, акцентированию одних определенных тем и умалчиванию других и многому другому), как именно контекст производства реализовался в тексте и повлиял на значение. Специфичность использован-

шихся в тексте приемов производства значения может быть ярче обнаружена на некоторой совокупности текстов схожего контекста производства. Из чрезвычайного разнообразия существующих методик дискурс-анализа нами был взят на вооружение критический анализ дискурса в версии Тьена ван Дейка [6]. Правила выделялись нами на основе поиска сходных смысловых единиц высказывания, а также на основе конструирования «тем умолчания» как гипотетически противопоставляемых тезисам, высказанным в тексте. Нами были проанализированы серии тематических статей в журналах «Дошкольное воспитание» и «Модели сезона», 11 книг и брошюр, изданных в СССР во второй половине XX в. вплоть до 1990 г., которые содержат методические рекомендации по одеванию детей, а также для сравнения одна брошюра 1929 г.

Для анализа визуальных репрезентаций детской одежды мы использовали коллекцию открыток с изображениями детей из отдела эстампов Российской Национальной Библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в г. Санкт-Петербург (общая выборка за период с 1960 по 1980 гг. составила 343 шт.). Их мы подвергли визуальному контент-анализу (об этом методе см.: [11]). Открытки отличаются от нашей первой группы источников — письменных рекомендаций — в числе прочего тем, что формирование вкуса в области детской одежды не было главной целью их создателей. Изображения детской одежды, в частности, ее расцветок, разумеется, не оцениваются нами как «слепок» с действительности (в реальности родители могли одевать детей иначе, например, исходя из своих материальных возможностей), но рассматриваются как показательный источник в том смысле, что представляют собой визуальное выражение официального дискурса о детской одежде. В качестве дополнительного источника уже не для количественного, а для качественного анализа изображений мы привлекали иллюстрации в советских «Букварях». Как и в случае с открытками (в первую очередь, графическими¹), иллюстрации отражают стереотипы художников и редакторов в отношении детской одежды.

Письменные рекомендации

Рекомендации о том, в какие цвета следует одевать дошкольников, публиковались как в брошюрах, посвященных детской гигиене, так и в альбомах и журналах по шитью с выкройками, а также в изданиях, информирующих о новых разработках модельеров. При этом независимо от тематики и даты публикации, их все объединяет один главный совет: одевать детей в «светлые» и «яркие» цвета, обычно без конкретизации — в какие именно. На вестиментарном уровне — в мире реальной одежды — эти признаки могут относиться к одному и тому же цвету (желтый, голубой, розовый, салатный цвета можно назвать «светлыми» и «яркими» одновременно) или быть противопоставлены друг другу («ярко-красное» не является при этом «светлым»; прилагательное «красный» вообще неохотно присоединяет к себе первую часть «светло-» из-за наличия в русском языке «розового»²), но в дискурсе рекомендаций они оказываются прочно скреплены. Нередко они идут через запятую: «светлый, яркий костюм» [20, с. 12].

Для обоснования «светлых» и «ярких» цветов используются апелляции к «свойственному ребенку радостному настроению» [28, с. 12]. Требования одевать ребенка именно в рекомендуемые цвета могут также подкрепляться отсылками к цветотипу ребенка и даже к архитектуре и интерьеру: «Современная архитектура и интерьер требуют и современной одежды. Она должна быть как можно более удобной, гигиеничной, из светлых легко стирающихся тканей» [18, с. 33].

И «светлым», и «ярким» тонам противоположны «темные». Именно к такому противопоставлению пришел семиотик Ролан Барт, анализируя дискурс французских модных журналов конца 1950-х гг.: «невзирая на физическую природу цветов, смысл относит к одному термину оппозиции цвета *яркие, светлые, отчетливые, блестящие, а к другому темные, мрачные, глухие, нейтральные, блеклые*» [2, с. 209; выделено автором].

1. Впрочем, фотографические открытки тоже ни в коей мере не являются отражением жизни как она есть, см. об этом [3].

2. В Национальном корпусе русского языка < <http://ruscorpora.ru/> > по состоянию на 23. 06. 2015 зафиксирован только один случай употребления прилагательного «светло-красный» — в газетной статье 2003 г.

Прямая рекомендация «темного» в детской одежде встретила нас в инструктивном письме 1929 г.: у мальчиков рубашечки «разнообразных цветов, предпочтительнее белые и яркие. Штанишки — тех же цветов, зимой — более темные», тогда как для девочек «цвет зимнего платья — яркий: голубой, розовый, оранжевый, беж, синий, красный, фрез и др., но не очень пестрый, чтобы не раздражать детский глаз» [27, с. 35–36]. (К этому различию мальчиков и девочек мы еще вернемся.) Уже в 1956 г. «для зимней одежды берутся более спокойные, менее яркие и менее светлые материалы» [26, с. 5]. Отметим словоупотребление: «менее яркие и менее светлые», а не «более темные». Прилагательное «темный» изгоняется из словаря детской моды, а за ним следуют и соответствующие цвета. Иногда рекомендации эксплицитно советуют не одевать детей в «темные» тона: «Некоторые цвета и оттенки, например, лиловый, темно-коричневый, темно-зеленый, нецелесообразно использовать в одежде для детей» [30, с. 18]. Мотивировка запрета на «темные» тона может отсылать и к эмоциям, и к цветотипу: «Темный цвет подавляет ребенка, ухудшает его настроение» [20, с. 12]; «Не надо нарушать мрачными тканями яркий цвет глаз, нежный румянец детей» [30, с. 18]. А если в мир детской одежды во второй половине столетия все-таки проникает «темный» цвет, его редкое появление в дискурсе рекомендаций снабжается множеством оговорок, таких как «оригинальный», «цветастый»: «Таллинский Дом моделей предлагает использовать для распашонок оригинальный довольно темный цветастый материал с четко выраженным рисунком» [28, с. 42]. Кроме того, «темные» цвета иногда допускаются для нарядной одежды «в контрастном сочетании со светлыми», хотя тут же говорится: «В отличие от повседневных костюмов, нарядная одежда должна быть яркой, с цветной аппликацией, вышивкой» [33, с. 74].

Стремление одеть детей в «светлую» одежду идет вразрез с практическими соображениями. Дискурс упоминает об этом конфликте, иногда мимоходом отмечая его: «Никакие соображения не могут оправдать темных, грязноватых оттенков» [17, с. 4], иногда подсказывая читателям решение: «из светлых легко стирающихся тканей» [18, с. 33; выделено нами], а иногда выставляя практичных родителей не правыми на самом приземленном уровне — уровне гигиены: «На детях всегда хочется видеть светлую одежду. Между тем странное слово “немарко” вошло в обиход. Говорят: “Дайте мне какое-нибудь немаркое платье для ребенка”. Что это значит? Ведь в платье любого цвета ребенок все равно будет пачкаться. Это означает только то, что матери не хочется лишний раз постирать детское платье, а на пестром или темном грязи не видно. Хуже не придумать. Ведь за чистотой ребенка нужно следить особенно внимательно. Совсем не утешительно, если грязь не видна. Наоборот, гораздо лучше, если заметно, что белое, розовое или голубое платье испачкалось. Это значит, что надо поскорее его выстирать. Ребенок не должен ходить в грязной одежде. Ведь к чистоплотности привыкают с ранних лет и на всю жизнь. Точно так же, как к неряшливости. Вряд ли кто-нибудь захочет быть неряхой до конца своих дней» [23, с. 5]. В терминологии Ролана Барта [2] можно назвать такую апелляцию к гигиене «рационализацией» или «рациональным оправданием», которое дискурс находит для «светлой» детской одежды.

Для другого практического соображения, которое может стать причиной появления «темного» платья на ребенке, — изготовления детской одежды из износившейся взрослой — нам встретились рекомендации, направленные на визуальное уменьшение доли темного цвета в костюме: «Что можно смастерить из шерстяных платьев матери или старшей сестры? Если платье темное, нарядным его сделает белая отделка, и в первую очередь белый воротничок и манжеты. Такое платье лучше шить с коротким рукавом, тогда будет меньше выделяться темный цвет. Светлая тесьма и вышивка также придадут платью свежесть» [19, с. 14]. В процитированной статье, посвященной переделке взрослых вещей в детские, советы по поводу переделки темной одежды касаются только и исключительно борьбы с «темнотой» темного цвета.

Возражения против яркости — другого рода: «Целый ряд опытов установил, что яркие цвета утомляют наше зрение и через некоторое время воспринимаются нами как более тусклые и при подборе цветов их следует брать в значительно меньших площадях, а приглушенные, мало насыщенные — в больших» [24, с. 6], однако это не мешает самим авторам процитированного отрывка

писать страницей выше: «Яркая детская одежда и декоративная вышивка на ней производят хорошее впечатление» [24, с. 5].

Кроме двух обязательных цветовых характеристик детской одежды, «светлых» и «ярких» цветов, в рекомендациях встречаются «нежные», «пастельные», «чистые», «сочные», «насыщенные», «жизнерадостные», «спокойные», «практичные» и даже «легкие» и «мягкие» тона.

Таким образом, в рассматриваемом дискурсе рекомендации цветов на вербальном уровне порой формулируются независимо от уровня визуального, не говоря уже о реальной практике («слово «немарко» вошло в обиход»). Дело в том, что дискурс оперирует словами, а не реальными красками. Для него не так важна одежда, которая есть в магазинах, или ткани, которые производит промышленность (он даже может посетовать: «А вот текстильные фабрики далеко еще не всегда выпускают то, что так нужно детям: мягкие пушистые материи светлых и ярких цветов» [23, с. 5], ср. [9, с. 366]), как весь набор коннотаций слов «светлое» и «яркое», выступающих в качестве знаков детства. Все переносные значения «светлого» имеют коннотации положительной оценки, иначе говоря, в русском языке «светлое» — это всегда «хорошее». Среди них особенно стоит выделить значения 'радостный, ничем не омраченный', 'выражающий радость, безмятежность', 'чистый и ясный духом, просветленный; выражающий ясность духа (о человеке)', 'обладающий высокими моральными качествами; прекрасный, высокий' [16, с. 1158]. Брошюры и альбомы, предписывая детям «светлую» одежду вопреки практическим соображениям, конструируют представления о детстве как о радостной и безмятежной поре и о детях как о чистых и прекрасных созданиях. В настойчивых рекомендациях «яркого» для детей тоже могли сыграть роль положительные коннотации переносных значений этого слова: 'наполненный светом, солнечный', 'выразительный, производящий сильное впечатление' [16, с. 1533]. Таким же образом при обсуждении запрета на «темные» цвета в детской одежде нельзя не упомянуть негативную семантику всего «темного» в картине мира, конструируемой русским языком.

Все остальные используемые дискурсом прилагательные тоже обладают в русском языке переносными значениями, а некоторые сразу взяты именно в переносных («жизнерадостные», «спокойные», «мягкие», «легкие» тона). Конкретные цвета, рекомендованные для детской одежды, с их помощью не уточняются (эпитеты могут даже сбивать с толку: «Для дошкольников количество ярких цветов увеличивается при одновременном применении спокойного беж, теплых серого и синего» [21, с. 4] — что это за «теплый серый и синий»?), зато уточняется высказывание о детстве: это «нежный», «чистый», «жизнерадостный», «спокойный», «мягкий», «легкий» и т. д. возраст.

А как насчет гендерного разделения? Авторы рекомендаций вплоть до конца XX в. не говорят прямо о конкретных тонах, подходящих для мальчиков или девочек. Однако иногда оговорки и намеки в текстах рекомендаций позволяют обнаружить подразумеваемые различия в цвете. Так, мы уже видели, что в 1929 г. для мальчиков было возможно рекомендовать «более темные» штанишки зимой, тогда как девичьи платья и зимой должны были быть «яркими». Вот еще один намек (1956): «Костюм мальчика по рисунку ткани и по фасону должен обязательно отличаться от платья девочки. Много неприятностей доставляет мальчикам строгая и откровенная критика товарищей, указывающих, например, что курточка или фартучек сшиты “по-девчачьи” из пестрой материи» [26, с. 6] — откуда можно заключить, что пестрая материя в 1950-е годы считалась более подходящей для девочек и менее — для мальчиков.

В 1960-е годы из взрослой моды в детскую приходит тенденция одевать представителей разного пола в стиле унисекс. В детской одежде она коснулась и фасонов, и расцветок. Так, в конце 1960-х в одной из брошюр специально оговариваются одинаковые цвета для дошкольников разного пола: «В пальто для мальчиков [...] возможно использование ярких цветов, которые применяются в одежде и девочек и мальчиков» [21, с. 5–12], а автор публикации о детской моде в журнале «Модели сезона» задается вопросом: «Папа и мама носят джинсы, почему бы сыну и дочке тоже не носить их?» [22, с. 32]. Надо сказать, что на иллюстрациях в «Моделях сезона» одинаковые расцветки и фасоны для мальчиков и девочек появляются впервые в 1964 г. и потом возникают периодически до 1981 г. А уже в 1985 г. мы впервые встречаем в этом журнале эксплицитное разделение расцветок между

полами детей: «Цвета — синий, красный, оранжевый, голубой для девочек. Для мальчиков — более приглушенные, но чистые: глубокие коричневые, синие и оливковые тона» [25, с. 11].

Можно сделать вывод, что дискурс рекомендаций до 1980-х гг. не считал нужным разделять цвета «для мальчиков» и «для девочек», и если какое-то различие и было им зафиксировано, то только в изредка приписываемой девичьей одежде большей яркости/пестроте да в рисунке ткани³. Голубой как цвет для мальчиков и розовый — для девочек, хотя и были известны дискурсу, но упоминаются в таком качестве только в разделах, посвященных одежде младенцев до года [28, с. 43]: они служат для визуального различения детей того возраста, в котором еще не актуальна разница в прическах и фасонах.

Визуальный дискурс

Основой проведенного нами контент-анализа, как уже было сказано, стала коллекция открыток с изображениями детей. Мы фиксировали цвета одежды, в которую изображенные на открытках дети были «одеты» художниками. Нами отмечалось наличие на изображении следующих цветов: «розовый», «красный», «голубой», «синий», «коричневый/черный»⁴, плюс дополнительно мы отмечали такие характеристики цветового решения, как «преимущественно яркие тона одежды», «преимущественно светлые тона одежды». Контент-анализ позволил нам сделать вывод о большой степени совпадения дискурса словесных рекомендаций с визуальным дискурсом. Как правило, на открытках дети одеты в светлые и яркие тона, причем это справедливо и для мальчиков, и для девочек. Мы зафиксировали одинаковые показатели в изображении детей в одежде «преимущественно светлых тонов»: за период в 21 год с 1960 по 1980 г. и у девочек, и у мальчиков этот показатель составил по 13,6% случаев. Однако в изображениях девочек яркая одежда используется в большей степени (35% случаев у девочек против 22% — у мальчиков). На открытках одежда девочек более пестрая, чем у мальчиков, содержит большее разнообразие цветов.

Контент-анализ открыток с изображениями детей показал, что разговор о предписании того или иного цвета конкретному гендеру в одежде детей дошкольного и школьного возраста в 1960–80-е гг. советского периода практически лишен основания. Мы обнаружили лишь тенденцию использования красного цвета в большей степени девочками (35,9% против 21,6%) и коричневого/черного цветов в большей степени мальчиками (15,6% против 7,7%). Подчеркнем, что оба цвета применялись на открытках при раскрашивании одежды детей обоих полов, но красный цвет абсолютно лидирует среди рассмотренных нами цветов одежды девочек, а у мальчиков красный используется наравне с голубым, синим. Интересно, что розовый цвет на открытках в одежде мальчиков и девочек за рассматриваемое двадцатилетие встречается одинаково нечасто: 10% девочек и 9,7% мальчиков были изображены с использованием этого цвета в одежде. Однако необходима ремарка по поводу использования розового цвета в открытках «С новорожденным!». Эта категория открыток не вошла в нашу базу для контент-анализа и рассматривалась отдельно. Анализ показал, что только в подобных тематических открытках существовала безальтернативная привязка розового и голубого цветов к младенцам конкретного пола: это становится очевидным с самой ранней открытки 1959 г. на эту тему, имеющейся в хранилище библиотеки. В постмладенческом детском возрасте и розовый, и голубой цвета одинаково использовались в изображении одежды девочек и мальчиков.

Что касается начала серьезной гендеризации детской одежды в СССР, интересным источником по этой теме оказался «Букварь» для первоклассников. «Букварь» В. Г. Горецкого, В. А. Кирюшкина и А. Ф. Шанько, по которому учились многие советские школьники, переиздавался с некоторыми

3. В пособии по домашнему хозяйству для детей 1980 г. также «пестрые» шорты достаются девочкам, а однотонные — мальчику: «Зато Марина и Алеша шили всем шорты. Алеше сшили две пары из хлопчатобумажной диагонали: одни — синие (отстрочили их красными нитками), а другие — зеленые с накладными карманами. Девочкам сшили шорты из льна с лавсаном — красные с белой строчкой и еще пестрые, сине-зелено-красные, из обыкновенного сатина, только сделали их на подкладке из полотна» [31, с. 140].

4. В нашем контент-анализе мы объединили эти два цвета в одну категорию ввиду редко встречающегося использования этих цветов.

изменениями почти каждый год начиная с 1968 г. до 1990-х гг. С точки зрения детской одежды, поразительные изменения были внесены в некоторые иллюстрации начиная с 1985 г.: безымянную девочку с лейкой на странице 11 издания «переодели» из брючного комбинезона в платье, а девочку Нину на странице 29 из брюк — в платье и колготки и «завязали» ей бант. Целью внесения этих изменений в иллюстрации, которые в прочих своих деталях остались теми же самыми, очевидно, была гендеризация детской одежды — в 1985 г. потребовалось «одеть» девочек в «более соответствующий» их полу наряд. Эти данные, соответствующие процитированной в предыдущем разделе рекомендации по поводу гендерного разделения цветов, позволяют сделать предположение о новой волне гендеризации детской одежды в СССР с середины 1980-х гг. — тогда же начинается серьезное разделение детской одежды по полу в США [15].

Как пишут Сьюзен Кайзер и Кэтлин Хуун, «культура, кажется, ввергает одежде послания, которые она (культура) не может артикулировать другими средствами» [13, с. 184]. Концепции детства конструируются, в том числе, с помощью одежды, которая становится визуальным высказыванием о детстве. Наряду с другими аспектами детской моды, цвет одежды тоже может участвовать в конструировании и передаче представлений о детстве.

Фиксируя рекомендации о светлой одежде, которые могли бы показаться нелогичными, мы видим за ними стремление реализовать идею о детстве как особом периоде в жизни человека, «охранительную» концепцию детства, подразумевающую представления о «неравенстве» детей и взрослых, их потенциалов. «Светлые» тона могут отсылать также к идее детской невинности. Искусствоведы Анн Игонне и Эми Кассандра Албинсон в своей работе о «Романтическом Дитяте» описывают возникший в конце XVIII в. визуальный образ непорочного ребенка, связанный с представлением о том, что «ребенок рождается невинным, свободным от взрослых недостатков, сексуальности и социальных зол» [10, с. 102]. Цвет одежды оказывается важным для воплощения этого представления: платьица детей, изображенных как «Романтическое Дитя», — «белоснежные, из непорочного материала» [10, с. 99].

Предположение о том, что «светлая» одежда из советских рекомендаций может отсылать к идее детской невинности, находит подтверждение в том, что советским детям после некоторых педагогических экспериментов 1920-х начиная с 1930-х гг. и до 1980-х предписывалась сексуальная невинность [14, с. 573–579]. Иногда дискурс о детской одежде даже прямо высказывается о «детской чистоте»: «Такие комплекты, чисто выстиранные и накрахмаленные, олицетворяют детскую чистоту и свежесть» [32]. Однако ребенок в представлении официального советского дискурса не был «Романтическим Дитятей» в том смысле, в каком этот образ предполагает обособление «детства» от взрослой жизни (об этом [10, с. 103]). В советской педагогике были идеи о необходимости участия ребенка в жизни (практически) наравне с взрослыми. Антрополог Дарья Димке на основании анализа детской литературы называет советскую концепцию детства, ориентированную на то, что дети будут помогать взрослым строить «новый мир», «утопической» и противопоставляет ее «романтической» [8].

Здесь нельзя не вспомнить устойчивое выражение «светлое будущее», которое, судя по данным Национального корпуса русского языка, было в обороте еще в XIX в. и стало широко употребляться с начала XX в. в связи с политической обстановкой, которая ставила вопросы о судьбах родины. В идеологии Советского государства его коммунистическое будущее и было «светлым». Можно сказать, что официальный дискурс о детской одежде, предписывая детям «светлые» тона, ставил детей как строителей и будущих жителей нового мира во внешнее соответствие с ним (вспомним процитированный выше пассаж о том, что «современной одежды» из «светлых» тканей требуют «современная архитектура и интерьер», ср. в брошюре 1959 г. о хорошем вкусе: «Безвкусно окружать детей темными предметами, а старухам — рядиться в розовое <...>» [29, с. 13]).

Возможность одевать девочек и мальчиков в одни и те же тона, которую мы фиксируем на советских открытках и в рекомендациях, говорит об идее гендерного равенства в детстве. Можно предположить, что детская одежда цветовой гаммой репрезентировала представления об отсутствии (принципиальных) различий мальчиков и девочек, и, может быть, это требовалось советскому режиму для пропаганды идеи равенства мужчин и женщин, что было связано с привлечением к работе

женщин наравне с мужчинами в условиях дефицита ресурсов⁵. При этом то же самое отсутствие различия девочек и мальчиков на уровне расцветок одежды можно трактовать и как приписывание детям асексуальности вследствие их предполагаемой невинности. В советской детской литературе с 1930-х гг. и далее мальчики и девочки изображались равно асексуальными, а подростковая любовь заменялась дружбой [1]. Как показал наш анализ иллюстраций из «Букварей», даже на уровне фасонов одежды строгая гендеризация детских образов фиксируется только в 1985 г. Это вновь возвращает нас к идее детской невинности, понимаемой в данном случае как асексуальность, которая, как можно предположить, была важной составляющей советских представлений о детстве.

Таким образом, наше исследование дает повод поспорить с исследовательской концепцией, в которой советская модель воспитания рассматривается как сугубо «утопическая». Наши результаты показали, что в советском официальном дискурсе второй половины XX в. дети рассматривались в некоторых аспектах как обособленные от взрослых существа; в других же аспектах «детский мир» мог включаться во «взрослый». Как нам представляется, нельзя говорить о единой и непротиворечивой советской концепции детства на протяжении всего периода существования СССР. В качестве причин расхождения наших результатов с концепциями других исследователей можно указать то, что детская одежда могла быть зоной, в меньшей степени подвергшейся идеологической проработке, чем, например, детская литература.

Библиография

1. Балина М. Воспитание чувств à la soviétique: повести о первой любви // Неприкосновенный запас. 2008. № 2. — С. 154–165.
2. Барт Р. Система моды // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. — С. 31–356.
3. Барт Р. Фотографическое сообщение // Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. — С. 378–392.
4. Бартлетт Дж. FashionEast: призрак, бродивший по Восточной Европе / Пер. с англ. Е. Кардаш. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 360 с.: ил.
5. Вайнштейн О. «В соответствии с фигурой»: полное тело в советской моде // Теория моды. Одежда. Тело. Культура. 2010. № 15. — С. 75–94.
6. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. — М.: Либроком, 2013. — 344 с.
7. Гурова О. Советское нижнее белье: между идеологией и повседневностью. — М.: Новое литературное обозрение, 2008. — 288 с.
8. Димке Д. Ребенок-ангел vs ребенок-герой: некоторые замечания по антропологии педагогики // Детские чтения. 2013. Т. 3. № 1. — С. 74–99.
9. Журавлев С. В., Гронов Ю. Мода по плану: история моды и моделирования одежды в СССР, 1917–1991. — М.: ИРИ РАН, 2013. — 496 стр., 32 илл.
10. Игонне А., Албинсон Э. К. Одеть ребенка // Теория моды. 2008. № 8. — С. 91–118.
11. Bell P. Content analysis of visual images // Handbook of visual analysis / Ed. by Th. Van Leeuwen, C. Jewitt. — London; Thousand Oaks: Sage, 2001. — P. 10–34.
12. Fitzpatrick S. Becoming Cultured: Socialist Realism and its Representation of Privilege and Taste // Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. — Ithaca, N. Y.; London: Cornell University Press, 1992. — P. 216–237.
13. Kaiser S. B., Huun K. Fashioning Innocence and Anxiety: Clothing, Gender, and Symbolic Childhood // Symbolic Childhood, ed. Daniel Thomas Cook. — New York: Peter Lang, 2002. — Pp. 183–208.
14. Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. — New Haven and London: Yale University Press, 2007. — XXII, 714 p
15. Paoletti J. Pink and Blue: Telling the Boys from the Girls in America. — Bloomington, IN: Indiana University Press, 2012. — 169 p.

5. Однако предписываемые женщинам гендерные роли не были одними и теми же в течение всего советского периода и во всех социальных классах, см. например: [12].

Источники

16. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 1998.
17. Ботнаръ З. Д. Детская одежда. — Кишинев: Тимпул, 1990.
18. Воробьева Е. Красиво одевать детей // Дошкольное воспитание. 1964. № 6. — С. 33–34.
19. Воробьева Е. Детская одежда // Дошкольное воспитание. 1964а. № 3. — С. 13–16.
20. Воробьева Е. Спортивная одежда // Дошкольное воспитание. 1963. № 12. — С. 12–14.
21. Детская одежда. — М.: Министерство легкой промышленности СССР, 1969.
22. Детям // Модели сезона. 1975. № 1. — С. 30–33.
23. Карбовская В. Любимое платье // Для детей. Модели и выкройки. — М.: Виалегпром, 1960. С. 5.
24. Мерцалова М. Н., Аниканова Н. С. Детская одежда. Изд. 3-е. — М.: Детский мир, 1960.
25. Нашим детям // Модели сезона. 1985–1986. № 2. — С. 11–12.
26. Одежда детей дошкольного возраста / Под ред. Е. В. Русаковой. — М.: Учпедгиз, 1956.
27. Одежда ребенка-дошкольника. Инструктивное письмо. — М.; Л.: Государственное издательство Народный комиссариат просвещения РСФСР, 1929.
28. Переладова О. Л. Детская одежда. — Киев: Здоров'я, 1974.
29. Салтыков А. О художественном вкусе в быту. — М.: Искусство, 1959.
30. Самонина И. В поисках лучшего // Дошкольное воспитание. 1963. № 10. — С. 18–19.
31. Сахарова С. Ю. Академия домашних волшебников. — М.: Детская литература, 1980.
32. СклярOVA В. Конкурс детской одежды // Журнал мод. 1959. № 2. — С. 36.
33. Чернопятко Э. Модельеры — малышам // Дошкольное воспитание. 1973. № 6. — С. 72–74.

References

1. Balina M. Vospitanie chuvstv à la soviétique: povesti o pervoi liubvi // Neprikosnovennyi zapas. 2008. № 2. — S. 154–165.
2. Bart R. Sistema mody // Bart R. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyx, 2003. — S. 31–356.
3. Bart R. Fotograficheskoe soobshchenie // Bart R. Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury. — M.: Izd-vo im. Sabashnikovyx, 2003. — S. 378–392.
4. Bartlett Dzh. FashionEast: prizrak, brodivshii po Vostochnoi Evrope / Per. s angl. E. Kardash. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011.
5. Vainshtein O. «V sootvetstvii s figuroi»: polnoe telo v sovetskoi mode // Teoriia mody. Odezhda. Telo. Kul'tura. 2010. № 15. — S. 75–94.
6. Van Deik T. A. Diskurs i vlast'. Reprezentatsiia dominirovaniia v iazyke i kommunikatsii / Per. s angl. — M.: Librokom, 2013.
7. Gurova O. Sovetskoe nizhnee bel'e: mezhdru ideologii i povsednevnost'iu. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008.
8. Dimke D. Rebenok-angel vs rebenok-geroi: nekotorye zamechaniia po antropologii pedagogiki // Detskie chteniia. 2013. T. 3. № 1. — S. 74–99.
9. Zhuravlev S. V., Gronov Iu. Moda po planu: istoriia mody i modelirovaniia odezhdy v SSSR, 1917–1991. — M.: IRI RAN, 2013.
10. Igonne A., Albinson E. K. Odet' rebenka // Teoriia mody. 2008. № 8. — S. 91–118.
11. Bell P. Content analysis of visual images // Handbook of visual analysis / Ed. by Th. Van Leeuwen, C. Jewitt. — London; Thousand Oaks: Sage, 2001. — P. 10–34.
12. Fitzpatrick S. Becoming Cultured: Socialist Realism and its Representation of Privilege and Taste // Fitzpatrick S. The Cultural Front: Power and Culture in Revolutionary Russia. — Ithaca, N. Y.; London: Cornell University Press, 1992. — P. 216–237.
13. Kaiser S. B., Huun K. Fashioning Innocence and Anxiety: Clothing, Gender, and Symbolic Childhood // Symbolic Childhood, ed. Daniel Thomas Cook. — New York: Peter Lang, 2002. — Pp. 183–208.
14. Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. — New Haven and London: Yale University Press, 2007.
15. Paoletti J. Pink and Blue: Telling the Boys from the Girls in America. — Bloomington, IN: Indiana University Press, 2012.

Sources

16. Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka / Gl. red. S. A. Kuznetsov. — SPb.: Norint, 1998.
17. Botnar' Z. D. Detskaia odezhda. — Kishinev: Timpul, 1990.
18. Vorob'eva E. Krasivo odevat' detei // Doshkol'noe vospitanie. 1964. № 6. — S. 33–34.
19. Vorob'eva E. Detskaia odezhda // Doshkol'noe vospitanie. 1964a. № 3. — S. 13–16.
20. Vorob'eva E. Sportivnaia odezhda // Doshkol'noe vospitanie. 1963. № 12. — S. 12–14.
21. Detskaia odezhda. — M.: Ministerstvo legkoi promyshlennosti SSSR, 1969.
22. Detiam // Modeli sezona. 1975. № 1. — S. 30–33.
23. Karbovskaia V. Liubimoe plat'e // Dlia detei. Modeli i vykroi. — M.: Vialeprom, 1960. S. 5.
24. Mertsalova M. N., Anikanova N. S. Detskaia odezhda. Izd. 3-e. — M.: Detskii mir, 1960.
25. Nashim detiam // Modeli sezona. 1985–1986. № 2. — S. 11–12.
26. Odezhda detei doshkol'nogo vozrasta / Pod red. E. V. Rusakovoi. — M.: Uchpedgiz, 1956.
27. Odezhda rebenka-doshkol'nika. Instruktivnoe pis'mo. — M.; L.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo Narodnyi komissariat prosveshcheniia RSFSR, 1929.
28. Pereladova O. L. Detskaia odezhda. — Kiev: Zdorov'ia, 1974.
29. Saltykov A. O khudozhestvennom vkuse v bytu. — M.: Iskusstvo, 1959.
30. Samonina I. V poiskakh luchshego // Doshkol'noe vospitanie. 1963. № 10. — S. 18–19.
31. Sakharova S. Iu. Akademiia domashnikh volshebnikov. — M.: Detskaia literatura, 1980.
32. Skliarova V. Konkurs detskoj odezhdy // Zhurnal mod. 1959. № 2. — S. 36.
33. Chernopiatko E. Model'ery — malysham // Doshkol'noe vospitanie. 1973. № 6. — S. 72–74.